

- **Х**отя вы работаете в области возвышенного, сегодня мне хотелось бы поговорить с вами на тему приземленную. Вы сами как-то отметили, что модельеры нынче не могут позволить себе только творить — они вынуждены заниматься коммерцией. Как в этих условиях выживает ваш огромный Дом моды? С какими «ветряными мельницами» сейчас приходится сражаться?

— Экономическими вопросами я занимаюсь большую часть времени, каждый день. Все, что касается искусства, — это уже где-то после десяти часов вечера.

Наш Дом моды существует только на те средства, которые мы получаем от продажи моделей. Еще я что-то зарабатываю в Европе, продавая свои картины, эскизы, духи «Маруса», — и все это я отдаю на закупки тканей, ремонт помещений, оформление салонов. Мы не имеем никаких дотаций, никаких произвольных фи-

говоры с итальянской фирмой о создании у нас и обувной линии тоже.

— Как изменился за последнее время ваш покупатель?

— Круг моих потенциальных покупателей, естественно, сократился, поскольку люди сейчас экономят деньги на одежде. Я понимаю, как трудно жить, и поэтому снижаю цену до предела, иногда себе в убыток. Утопизм ли это, патриотизм, альтруизм — называйте как угодно, но я та- кой.

Миграция товаров из слаборазвитых стран составила лишь незначительную конкуренцию, поскольку у меня совсем другая клиентура. Открытие в Москве западных Домов высокой моды составило конкуренцию не по идее, а по использованию великолепных тканей, прекрасной фурнитуры, прикладных материалов.

В начале 80-х я в течение трех лет завоевывал своих будущих клиентов. За основу я взял классический костюм и развивал эту идею в течение 13 лет, с тех пор как открыл свой Дом мо-

13.7.95

Моск. комсомолец. - 1995. - 13 мая. - с.4.

«ЛУЧШЕ ОШИБИТЬСЯ В КРАСОТЕ, ЧЕМ В ДЕРЬМЕ», — считает Слава Зайцев

нансирований, никаких субсидий со стороны каких-то покровителей, ничего не сдаем в аренду... Правда, была масса предложений по созданию совместных предприятий, компаний, которые могли бы обеспечить стабильное состояние Дома, но, к сожалению, все они оказались очередным фуфлом и туфтой.

Все желают либо купить мое имя, не платя ни копейки, либо потреблять мое имя так, что мне было бы за него стыдно. Я же всячески стараюсь сохранить имя, потому что заработал его честным и праведным трудом.

Словом, приходится крутиться. Заработанных денег хватает только на то, чтобы без поддержки выплачивать сотрудникам зарплату. Если бы я не существовал в коллективе Дома, я жил бы великолепно — имел бы свою маленькую фирму, свой бутик... Но у меня работают 400 человек, которых я люблю. Они работают за небольшие деньги, и я это очень ценю — так мало осталось людей, которым можно доверять. Я же стараюсь регулярно делать для них распродажи одежды по ценам даже ниже себестоимости.

Конечно, то, что я президент компании, это нонсенс. Я стал им волей случая, чтобы спасти Дом, но это не моя профессия.

— Кстати, где вы сами одеваетесь?

— Только здесь. Пальто, костюмы, даже сорочки — все покупаю в своем Доме моды. За исключением пока обуви, но уже ведутся пере-

ды. Я и сейчас считаю, что классический стиль — это азбука хорошего вкуса. И мне бы хотелось, чтобы люди, которые приходят в мои салоны, уносили отсюда задатки хорошего вкуса. Поэтому стиль классической одежды для меня — доминирующий. Вопреки существующей тенденции.

Каждое утро я захожу в салон и наблюдаю за своими покупателями. Приходят мои старые клиенты, которые специально копят деньги, чтобы купить какую-то мою вещь, — я почти всегда делаю скидки. Крутые бизнесмены предпочитают не покупать, а заказывать одежду в салоне. На Западе заказать индивидуально костюм стоит безумных денег, а у нас за эту услугу существуют лишь небольшие процентные надбавки. Как ни странно, заходит очень много молодежи. С удовольствием покупают наши вещи иностранные туристы. Когда приезжала Джейн Фонда, она купила два пальто, сказав при этом: «Слава, это безумно низкие цены. Так дешево нельзя продавать». Я ответил ей, что у наших людей просто нет больших денег.

Наша одежда по идеям абсолютно эксклюзивна, а по деньгам доступна. Вероятно, в этом одна из причин, почему ее много покупают.

— Вы всегда работали в высокой моде — и вдруг недавно впервые в жизни сделали коллекцию прет-а-порте, то есть партию готовой одежды. Что побудило вас на этот шаг?

— Эта коллекция была представлена пока еще узкому кругу людей, я покажу ее частично в Кельне, куда меня пригласили на международную выставку моды, а у нас еще позже, ближе к зиме. Коллекция на все случаи жизни, с утра до вечера. Она сделана из вискозы, ацетата, натурального шелка, льна и хлопка. Коллекция получилась необычайно интересной, интеллигентной по пластике и цвету.

Мне эта идея понравилась, и я подписал контракт на создание маленьких партий одежды в пределах 40 моделей — из тканей, которые мы отбираем на ярмарках в Германии и во Франции.

Работа над этой коллекцией несколько поменяла мое отношение к готовой одежде. Меня сейчас это больше увлекает, чем «кутюр». Я всегда мечтал сделать одежду прет-а-порте для массовки, но мне никто ничего подобного не заказывал. Все считали, что кутюрье не может делать массовку. Я сделал.

— Недавно я была в Италии и обратила внимание на то, как там одеты люди на улицах. Они одеты никак. Боюсь, не за горами то время, когда, «накушавшись», мы тоже потеряем всякий вкус к красивой одежде.

— Когда я стал ездить на Запад — в Германию, Францию, да и в Америку, — увидел, как мы убоги и тщедушны в своих попытках подражать им. У нас другие менталитет, среда обитания, возможности, восприятие, наконец. Там уже все

есть, там все сыты. В Америке одежда — только функциональная. Эта американская «мода» заполонила в последнее время всю Европу. Во Франции французского шика нет и в помине. Только на светских приемах, где среда достаточно изолирована, еще можно встретить элегантно одетых людей. В целом же в мировой моде наблюдается тенденция удивительной раскованности, до расхлябанности.

Каждый в меру своих возможностей сам формирует свой гардероб. Все стили смешались, особенно в молодежной толпе. Можно надеть тяжелые мужские ботинки, шифоновую юбочку, блестящую блузку, на одно плечо накинуть потертый пиджак, а на другое повесить спортивную сумку. Все позволительно, и в этом есть свой кайф. Человеку дается право выбирать, и тот, кто может это делать, — сделает неплохо. А кто не может — тот растеряется и нацепит на себя какой-нибудь казус.

У нас все по-другому. Русских женщин и мужчин можно легко выделить на улицах Европы. Я не могу сказать, что они одеты гармонично, но то, что они одеты хорошо, богато, — это точно. Надевать красивую одежду — мне это нравится. Лучше сделать ошибку в красоте. А дерьма и так много в жизни. Я же волею Божией сохраняю веру в хороший вкус...

Ирина МАМИЧЕВА.

Фото из архива автора.